

Сибирские огни

41-й год издания
Орган
Союза писателей РСФСР
и Новосибирского
отделения
Союза писателей

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЛИЗАВЕТА СТЮАРТ. Сибирский пейзаж. «Как в первую неделю мироздания». Август 1961 года. Стихи.	3
КОНСТАНТИН КОЗЛОВ. Строители. Стихи.	5
СЕРГЕЙ САРТАКОВ. Ледяной клад. Роман. Часть третья	7
ЛЮБОВЬ РУБЦОВА. Дом поэта. Стихи	80
ИЛЬЯ ФОНЯКОВ. НА ДОРОГАХ ПОЛЬШИ. «Минск — Мазовецкий, Кельце, Радом...». «Едем Польшей...». Баллада о Новой Гуте. Дети Освенцима. Документальное кино в Варшаве. Стихи.	81
ВЛАДИМИР ПАЛЬЧИКОВ. Зима. Окна. Понедельник. «Живу в предчувствии удачи...». Стихи.	86
НИКОЛАЙ ЕВСТИФЕЕВ. Гюнки. Стихи	88

А. И. ПРОХОРОВ. Уверенной поступью	90
Г. А. ПРУДЕНСКИЙ. Труд, время	93

Мы идем к коммунизму

Г. ПАДЕРИН. Люди с горячими сердцами	97
ЕВГЕНИЙ ЛУЧИНСКИЙ. Человек идет к солнцу. Повесть о делах героических	107

В мире науки и техники

Э. ГРИГЕРМАН. Русское чудо	140
--------------------------------------	-----

Из прошлого

А. ПУГАЧЕВ. Походы томских казанов в Кузнецкую землю и основание Кузнецкого острога	146
---	-----

Искусство

Л. БАЛАНДИН. «Вредный старик».	151
--	-----

(См. на обороте)

1

ЯНВАРЬ

1962

В НУЖНОМ ЖАНРЕ

Поначалу, когда читаешь описание дикой инсценировки «казни» и «помилования» петрашевцев, кажется, что это всего лишь авторский прием — один из способов «оживить» повествование, сделать его более популярным. В этом отчасти убеждает и вступительная, написанная академически сухо вато заметка «От автора», из которой явствует, что перед нами исследование, ставящее целью «...подробно осветить сибирский период жизни и литературной деятельности Ф. М. Достоевского, проследить развитие его взглядов и охарактеризовать произведения, написанные им в Сибири».

Но вот прочитана одна, другая, десятая страница... А «скучной» для неспециалиста «теории», умозрительных рассуждений все нет. Сценки, живые зарисовки, описания сменяют друг друга.

Что же перед нами — биографическая повесть или научное исследование?

Широкое использование диалога, портретной характеристики, интерьера и пейзажа придает книге Н. Якушина черты беллетристического повествования. Отдельные ее страницы (например, описание подготовки театрального представления в Омской каторжной тюрьме или истории любви Ф. Достоевского к М. Д. Исаевой) волнуют при чтении не меньше, чем страницы романа, и все-таки главная задача автора отнюдь не повествовательная. Н. Якушин стремится возможно подробнее описать жизнь Ф. М. Достоевского в Сибири лишь затем, чтобы общая картина этого периода позволила яснее представить нам духовную эволюцию великого писателя.

Мысли, взгляды, характер человека в конечном счете определяются условиями его жизни. И Н. Якушин прав, когда стремится раскрыть ломку общественно-политических взглядов Ф. М. Достоевского путем воссоздания всей обстановки, в какой пришлось находиться писателю в странное для него десятилетие — с 1849 по 1859 год.

Для понимания причин отказа Достоевского от революционно-демократических идей не достаточно лишь указать на тяжесть лишений, перенесенных писателем в этот период: заключение в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, четырехлетняя каторга, солдатчина и т. п. Здесь важна любая, даже незначительная, на первый взгляд, деталь. Чрезвычайно важно, какой быт, какие люди окружали писателя, с кем он дружил, кого любил, кого ненавидел. В этом смысле весьма показателен упоминаемый самим Достоевским в «Записках из мертвого дома» эпизод с заявлением арестантской «претензии» на плохую пищу. Когда Достоевский, питавшийся в остроге на свои деньги, присоединился к волновавшимся каторжникам, как он сам говорил, «из товарищества», он услышал откровенно злобную реплику:

— Да какой ты нам товарищ!

Хуже всего, что таково было не единичное, а общее мнение людей, которых Достоевский искренне любил, несчастному положению которых глубоко сочувствовал. Для них же, вчерашних крестьян, он, дворянин и интеллигент, продолжал и в остроге оставаться барин, человеком чуждого, враждебного мира. «Это отчуждение, — пишет Н. Якушин, — привело писателя к глубоко неверной мысли о характере разобщенности народа и образованной интеллигенции. У него рождается мысль о необходимости для интеллигенции вернуться к «почве», к народу, отказаться от мнимого, с его точки зрения, превосходства,

Н. Якушин. Достоевский в Сибири.

Очерк жизни и творчества. Кемеровское книжное издательство, 1961.

принять народное мирозерцание, «опроститься и смириться».

Противоречивая непоследовательность мировоззрения Достоевского даже в пору окончательного формирования его реакционной теории «почвенничества» объяснялась, в частности, противоречивостью влияний, испытываемых в те годы писателем. Немало волнующих страниц отведено в книге Н. Якушина описанию дружбы Ф. М. Достоевского с первым казахским просветителем Чоканом Валихановым. Не приходится сомневаться, что близость выдающихся представителей двух братских народов была плодотворной не только для более молодого Валиханова, но и для самого Достоевского.

Описания-рассказы, восстанавливающие шаг за шагом пребывание Достоевского в Сибири, дают возможность даже малосведущему читателю сделать самостоятельные выводы о причинах и особенностях перелома в сознании писателя. И если автор все же изредка сам прибегает к подобным выводам, то последние вытекают из нарисованной им картины столь естественно и непринужденно, столь согласуются с мнением читателя, что их «теоретичность» оказывается для читателя почти совершенно незаметной.

Должно быть, в этом и заключается наиболее привлекательная особенность избранного Н. Якушиным жанра. Общедоступность и даже беллетристичность изложения при решении исследовательской проблемы с одновременным сохранением высокого научного уровня — вот что делает книгу Н. Якушина интересной и вместе с тем полезной в познавательном отношении.

Как исследователь Н. Якушин не выдвигает какой-то своей, отличной от других советских литературоведов концепции в отношении сибирского периода жизни Ф. М. Достоевского. Небольшие уточнения, которые он предлагает внести в датировку изменения взглядов Достоевского, вряд ли имеют сколько-нибудь принципиальное значение. Тем более что границы реакционных и прогрессивных тенденций в мировоззрении писателя едва ли поддаются точному определению. И сам Н. Якушин не раз оговаривается, что Достоевский, являясь по сути своих лучших произведений великим гуманистом, никогда не был законченным, «махровым» реакционером.

Другое дело, что сведение воедино разбленного по многочисленным источникам материала, частью уже забытого, частью недоступного для массового читателя, значительно повышает и научную ценность книги. Ведь всякие общие выводы выглядят тем более убедительными, чем большим числом доказательств они подтверждены, чем на более полную и стройную картину они опираются.

Читая книгу Н. Якушина, начинаешь

лучше понимать Достоевского-человека и Достоевского-художника, глубже осмысливаешь книги, созданные писателем после ссылки. «Достоевский в Сибири» — существенное дополнение к тому, что было написано в последние годы о великом русском писателе В. Ермаиловым, В. Шкловским и другими авторами.

В отличие от других работ о Достоевском, книга Н. Якушина, как уже говорилось, обращена преимущественно к самому широкому читателю. Поэтому недопустимой небрежностью является отсутствие в ней авторского комментария к целому ряду мест, для читателя-неспециалиста неясных. Так, на стр. 15 приводится содержание одной из записок Ф. М. Достоевского к брату, где есть следующая фраза: «Комедия Тургенева непозволительно плоха...» Записка была отправлена из Алексеевского рavelина в конце 1849 года в ответ на переданные Достоевскому «Отечественные записки». Если вспомнить, что к тому времени в «Отечественных записках» было напечатано несколько комедий И. С. Тургенева («Завтрак у предводителя», «Холостяк», «Где тонко, там и рвется») и что все они были благоприятно встречены передовой критикой, отзыв Достоевского, дающий возможность судить о литературных вкусах писателя, пред-

ставляется отнюдь не мало важным. И, конечно, читателю интересно знать, о какой именно комедии Тургенева идет речь.

В книге -- на протяжении всех ее двухсот страниц — не раз говорится о петрашевцах, об их взглядах и даже приводится решение следственной комиссии по их «делу», обвиняющее Ф. М. Достоевского в «распространении одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти». Но вот непостижимая оплошность — Н. Якушин нигде ни словом не обмолвился, что речь идет о знаменитом письме В. Белинского к Гоголю, не напомнил о содержании и значении этого письма, сыгравшего в «деле» петрашевцев и, в частности, в судьбе Достоевского столь роковую роль.

Подобные упущения тем более досадны, что книга «Достоевский в Сибири» написана в очень нужном жанре массовой литературы — просто, интересно, умно, непринужденно. Теперь, когда одной из первоочередных задач партии и государства является забота об эстетическом воспитании всех трудящихся, формировании в народе высоких художественных вкусов и культурных навыков, книги, написанные таким образом, особенно нужны.